

ЗАМІТКИ

«Святошина печать»

Предметом настоящей заметки является редкий тип древнерусской печати, найденной при случайных обстоятельствах в окрестностях Чернигова и находящейся в настоящее время в частной коллекции (табл. 1:1)¹. Речь пойдет о круглом свинцовом диске диаметром 21 мм, толщиной 7 мм и весом 18,4 г. На обеих сторонах диска сохранились отпечатки матриц диаметром 13–15 мм².

На одной стороне печати имеется заключенное в точечном обод изображенное княжеского знака, одна из боковин которого оформлена в виде креста.

На другой — хорошо читается заключенная в точечный обод кириллическая надпись под титлом в четыре строки:

стѣ
шина
печа
ть

Следует отметить тот факт, что рассматриваемый экземпляр иллюстрирует всю условность сложившихся в историографии критериев для различения понятий «печать» и «пломба»³.

Традиционно древнерусские свинцовые печати ассоциируются с актовыми документами, в то время как пломбы — с товарами, грузами и т.д. Формальным различием обычно считают размеры печатей и пломб — последние имеют, как правило, незначительный диаметр и вес. Однако известны и исключения, на некоторые из них хотелось бы обратить внимание в настоящей заметке.

Из села Марковцы Бобровицкого района Черниговской области происходит крупная печать в виде свинцового круглого диска с неровными закругленными краями⁴ диаметром 34 мм, толщиной 6 мм и весом в 43,5 г (табл. 1:2).

На одной, несколько выпуклой стороне, изображен княжеский знак в виде проросшего двузубца. На другой — сохранилось рельефное изображение креста с расширенными лопастями. Печать имеет сквозное отверстие для шнура.

Несмотря на то, что контекст находки неизвестен, нет никаких сомнений, что данный экземпляр принадлежит к древнерусскому времени. В частности, изображение проросшего двузубца зафиксировано на именной печати Изяслава Ярославича⁵.

Аналогичная по форме тамга, изображенная на Святошиной печати, сохранилась на массивной пломбе печати, происходящей из поселка Брусилова Житомирской области⁶. Данный экземпляр представляет собой подпрямоугольный кусок свинца с неровными фасетными краями, размерами 25 × 32 мм, толщиной

Таблиця 1:

1 – окрестности Чернигова; 2 – Марковцы Бобровицкого района Черниговской области;
3 – Брусилы Житомирской области

6 мм и весом 39 г. На двух сторонах печати имеются отпечатки матриц диаметром 25–27 мм (табл. 1:3).

На одной стороне имеется княжеский знак в виде трезубца, один из боковых зубцов оформлен в виде дуперекладинного креста. На другой стороне экземпляра сохранилось заключенное в точечный обод погрудное изображение святого с точечным нимбом, держащего копье у правого и щит у левого плеча. Слева от фигуры заметны нечеткие отпечатки букв.

Оба описанные выше образца — массивные, имеют сквозные отверстия для шнура, но, судя по своим дизайну и весовым характеристикам, скрепляли не документы, а скорее всего товар или иной продукт, которые подлежали пломбированию.

По мнению С.В. Белецкого, пломбы, имеющие изображение княжеской тамги и определенного святого, могут быть связаны с княжескими посадниками. Пломбы, которые сочетают изображения креста и тамги, исследователь связывает с княжеской администрацией, в то время как пломбы с изображениями тамги и буквы — с чиновниками таможенного характера⁷.

«Святошина печать» представляет редкий случай, когда княжеское имя запечатлено вместе с определенным вариантом княжеской тамги. Как нам представляется, эта необычная печать-пломба должна быть связана с именем князя Святослава Давыдовича, известного в письменных источниках под именем Святоша.

Вопреки широкой известности, Святоша весьма скупо упоминается в летописи. По существу, он фигурирует только в одном фрагменте: повести об ослеплении Василька Ростиславича под 1097 г. Здесь мы впервые встречаем его в эпизоде, описывающем поражение Святополка Изяславича от Володаря и Василька⁸. Вторично летопись застаёт его сидящим в Луцке, откуда Святошу изгоняет Давыд Игоревич⁹. Вот, собственно, и вся «историческая» биография Святоши. Следующее упоминание о нем — сообщение о его постриге 17 февраля 6614/1107 г.¹⁰ Об иноческой жизни князя мы узнаем из *Киево-Печерского Патерику*, откуда становится известно и его христианское имя Николай. Согласно *Патерику*, Святоша пребывал в этом монастыре «не исходя» в течение 30 лет до своей смерти¹¹. Однако, из сообщения *Ипатьевской летописи* следует, что Святоша был жив еще в 1142 г., и более того, выступал в роли посредника в конфликте Всеволода Ольговича с его младшими братьями Игорем и Святославом¹².

Существует предположение, что имя Николай было крестильным, а не иноческим¹³. Но гораздо большую проблему, как теперь выясняется, представляет собой имя, под которым князь известен летописям. В литературе «Святоша» единогласно признается прозвищем, то ли ироническим, то ли уважительным. При этом не совсем понятно, когда Святослав Давыдович получил свое прозвище, и прозвище ли это. Высказывалась мысль, что «Святоша» есть своего рода каламбур, намекающий на особое благочестие князя. Прозвище якобы было получено Святославом после принятия им иночества и затем ретроспективно перенесено летописцами в те времена, когда князь жил еще в миру¹⁴. Это, впрочем, не более, чем догадка. Во всех летописях князь упоминается исключительно как «Святоша» (впрочем, в одном случае с уточнением: «Сѣтоша сѣ Дѣвдовъ Сѣтославича») и даже как «Святоша князь», и только в статье о постриге в *Лаврентьевской летописи*, он назван полным именем: «Сѣтославъ . сѣ Дѣвдовъ . внукъ Сѣтославль». Находка «Святошиной печати» теперь позволяет утверждать, что «Святоша» было не прозвищем, но собственно именем князя, сокращенным от Святослав (подобным иным известным «уменьшительным» княжеским именам — «Владимерко», «Василько», «Иванко», «Всеволодко», «Вячко» и др.). Из летописи мы знаем князей преимущественно под их торжественными полными

именами. Но, не исключено, что в обиходе их имена подчинялись обычным для славянских имен сокращениям (в нашем случае, по типу «Ратьша» (Ратьслав), «Судьша» (Судислав) и под.

Вероятно, с именем Святоши следует связать еще три любопытные печати.

Одна из них¹⁵ происходит из Чемерина Киверцицкого района Волынской области. Это слегка деформированная печать-пломба диаметром 20 мм, толщиной 4 мм и весом 6 г; круглой формы с ровными закругленными краями и высоким рельефом изображений (табл. 2:1). На одной стороне печати сохранилось погрудное изображение святого с точечным нимбом. Справа от фигуры читаются буквы:

	N
	H
Слева:	
	Y
	A

На другой стороне печати имеется заключенный в точечный обод трезубец того же типа, как и на «Святошиной печати». Печать имеет вертикальный канал для шнура.

Две другие печати оттиснуты той же парой матриц, что и предыдущая. Одна из них происходит из Брусиловского района Житомирской области (табл. 2:2)¹⁶, место другой печати пока не удалось установить (табл. 2:3)¹⁷.

На основании топографии двух из трех указанных печатей можно предположительно отнести их к концу XI в., т.е. ко времени союза Святослава со Святополком Изяславичем против Володаря и Василька. Судя по сохранившимся колончатым надписям на этих печатях, сопровождающих изображения святого, христианское имя князя было Никула. Это имя встречается также на одной из двух групп печатей Святослава Ярославича¹⁸, выполненных в совершенно другом дизайне.

Представленный на печатях Святоши тип тамги имеет своим прототипом знак, запечатленный на монетах Святополка Владимировича¹⁹. Такая же тамга встречена на некоторых типах пломб в сочетании с заключенной в круг литерой «N/I»²⁰, а также на печати с изображением Кирилла, интерпретируемой как печать двоюродного брата Святоши — князя черниговского и киевского Всеволода Ольговича²¹. Наконец, аналогичный знак с небольшими отклонениями в деталях зафиксирован на описанной выше печати-пломбе из Брусилова, а также печати с изображением на одной стороне святого-воина, держащего копье в правой руке и опирающегося левой на щит²², найденной в селе Кошечках Овручского района Житомирской области (табл. 2:4). К сожалению, по причине отсутствия колончатых пояснительных надписей рядом с изображениями, нет возможности его атрибутировать. Отметим только, что похожие иконографические особенности характерны как для Георгия, Дмитрия Солунского, так и Федора Тирона.

Возвращаясь к печати Святоши, следует отметить, что ее тип не является актовым, и она представляет собой скорее пломбу с товара или дани, которые принадлежали этому князю. Место находки пломбы, кажется, подтверждает та-

Таблиця 2:

- 1 – Чемерин Киверцицького району Волинської області; 2 – Брусилівський район Житомирської області; 3 – місце знахідки не встановлено; 4 – Кошечки Овруцького району Житомирської області

кую интерпретацию. Следует также отметить, что находки печатей на сельских памятниках в жилищах, совместно с такими находками, как пряслица и ножи²³, указывают на то, что некоторые печати большего диаметра могли служить хозяйственными или товарными пломбами и не всегда скрепляли акты, а скорее всего собранную для князя дань.

Таким образом, можно сделать вывод, что печати и пломбы с изображениями княжеских знаков могут указывать на местонахождение княжеского хозяйства в тех или иных местах. Нет никакого сомнения, что на таких городищах или селищах постоянно находились или периодически бывали представители княжеской администрации, и «Святошина печать», происходящая из Чернигова, может быть хорошим подтверждением этому.

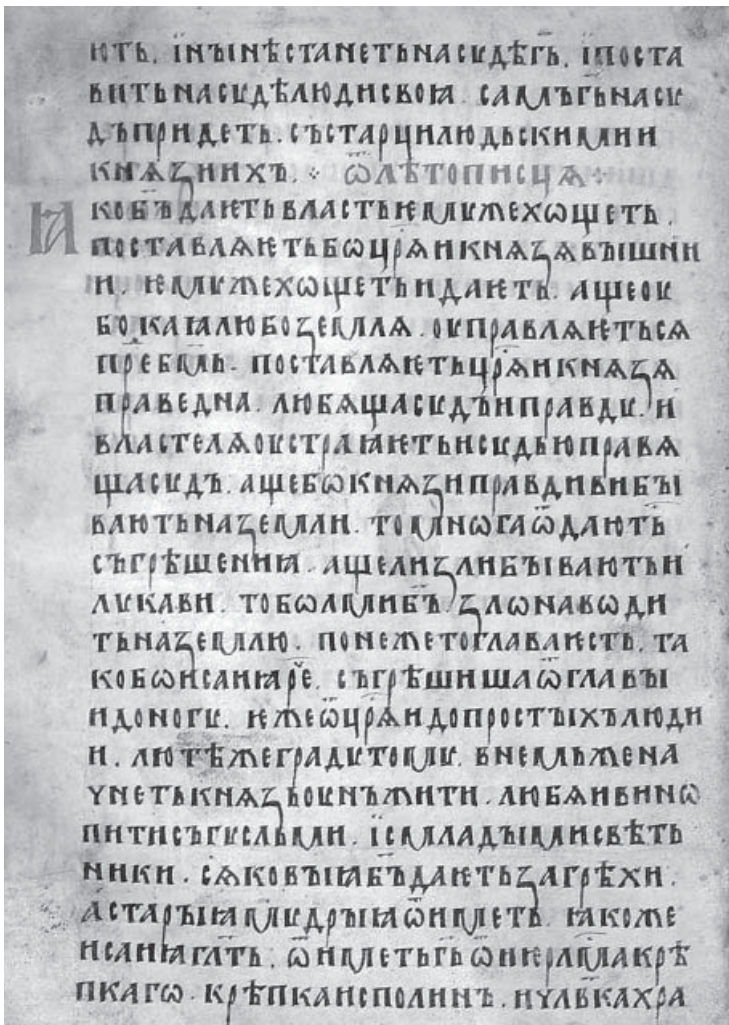
- 1 Автор признателен А.Е. Шереметьеву (Киев) любезно предоставившему материалы своей коллекции для публикации в данной заметке.
- 2 Коллекционный № 721.
- 3 См.: Белецкий С.В. Диаметр и вес актовой печати. *Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней*. М., 1984, 52–53, а также обстоятельный обзор по пломбам: Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В. Болсуновского). *STRATUM*, №6. СПб., Кишинев, Одесса, 1999, 288–330.
- 4 Коллекционный № 1083.
- 5 Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1970, табл. 1:3.
- 6 Коллекционный № 1010.
- 7 Белецкий С.В. Данные сфрагистики о княжеском аппарате домонгольской Руси. *Образование древнерусского государства (спорные вопросы)*. М., 1992, 5–7.
- 8 *ПСРЛ* 1: 270; *ПСРЛ* 2: 245.
- 9 *ПСРЛ* 1: 272; *ПСРЛ* 2: 247–248.
- 10 *ПСРЛ* 1: 281; *НПД*, 19.
- 11 Абрамович Д. *Киево-Печерський Патерик. Вступ, текст, примітки*. К., 1931, 117.
- 12 *ПСРЛ* 2: 312.
- 13 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.* М., 2006, 607.
- 14 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. *Выбор имени*, 441 ср. также альтернативную, но неубедительную возможность на с. 442.
- 15 Коллекционный № 624.
- 16 Коллекционный № 618. Диаметр печати — 18 мм, толщина — 4 мм, вес — 4,9 гр.
- 17 Коллекционный № 252. Диаметр печати — 16 мм, толщина — 4 мм, вес — 4,9 гр.
- 18 Янин В.Л., Гайдуков П.Г. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* М., 1998, 19–20.
- 19 Сотникова М.П., Спасский И.Г. *Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв.* Л., 1983.
- 20 Коллекционный № 366.
- 21 Янин В.Л. *Актовые печати*, 135, 138–139, табл. 25:289.
- 22 Коллекционный № 18, Коллекционный № 618.
- 23 Серов О.В. Сільські поселення Середнього Придніпров'я. *Південно-руське село IX–XIII ст.* К., 1997, 99–114, 109.

Федор Андрощук

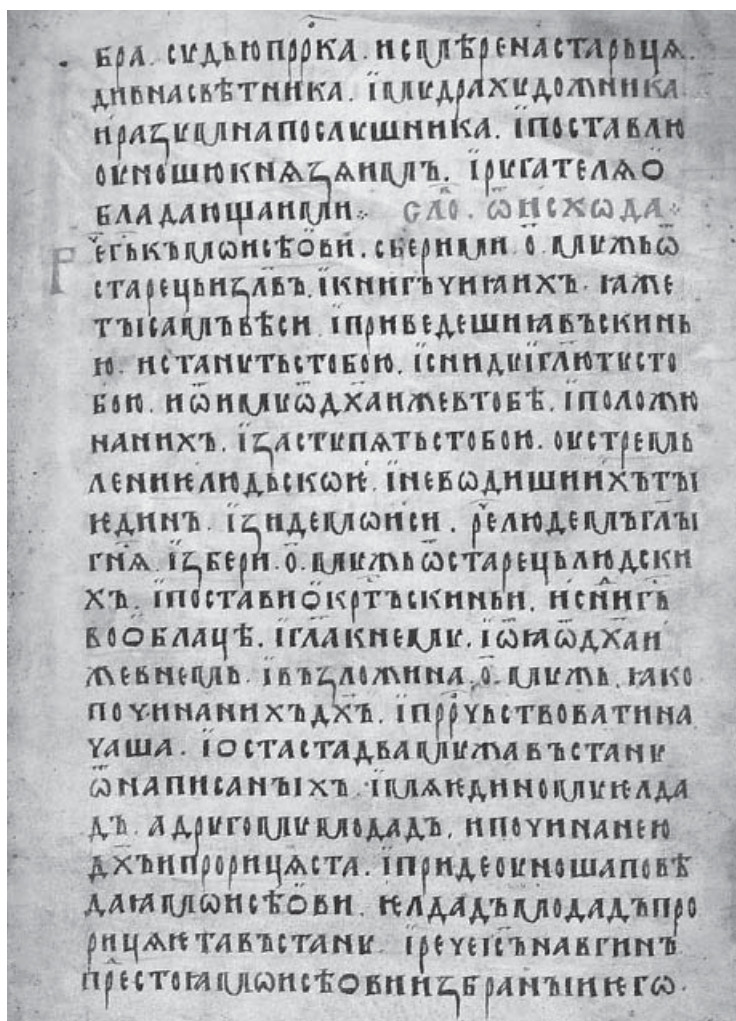
**Фрагмент *Повести временных лет*
в Троицком *Мериле праведном***

Список *Мерила праведного* бывшего собрания Троице-Сергиевой лавры (№ 15) знаменит тем, что содержит второй по старшинству и наиболее исправный список *Пространной Правды*¹. Рукопись определяется как принадлежащая к XIV или уже — концу XIV в. Первая часть рукописи (иногда определяемая как предисловие) содержит выписки из различных произведений, в основном, трактующих тему праведной власти и справедливого суда. Среди

этих выписок читается небольшой фрагмент из летописи: рассуждения о зависимости между праведностью стран и справедливостью посылаемых им властителей из статьи 1015 г. об убийстве Бориса и Глеба. Вероятно, этот фрагмент (довольно точно выписанный из летописи) и не заслуживал бы специального внимания, если бы не древность рукописи, едва ли не старшей, чем древнейший *Лаврентьевский список ПВЛ*.

Текст содержится на лл. 16 об. — 17. В новейшем издании поучительной части Троицкого *Мерила праведного* фрагмент идентифицирован как заимствованный из «Несторовой летописи» и к нему подведены варианты из I тома ПСРЛ². Впрочем, издатель Рудольф Шнайдер отметил, что сравнение отрывка со списками *Лаврентьевским*, *Радзивиловским* и *Московско-Академическим* не

предоставляет однозначных свидетельств для суждения о том, из какого рода текста сделана выписка³.

Значение отрывка состоит в том, что это, может стать, древнейший случай цитирования *ПВЛ*⁴. Ниже публикуется текст отрывка с подведением вариантов (смысловых) из основных списков *ПВЛ*: *Лаврентьевского*, *Радзивилловского*, *Ипатьевского* и *Хлебниковского*.

⋈ ѿ лѣтописца:

Юко бѣ¹ даиеть² власть юмже хощеть. поставляиеть бѣ³ цѣрѣ н⁴ князѣ⁵ вьшнн н. юмже хощеть н⁶ даиеть.^{7а} аще он бо⁸ каѣа любо⁹ зѣмла. оуправляиетьсѣ¹⁰ прѣ^а бѣмь. поставляиеть¹¹ цѣрѣ н¹² князѣ правѣдна. любаша сѣдѣ н правѣдн. н властѣла оустраиаеть н¹³ сѣдѣю праваща¹⁴ сѣдѣ. аще бѣ¹⁵ князн правѣднн бѣ ваютъ⁶ на¹⁶ зѣман. то многа ѿдаиеть съгрѣшенна.¹⁷ аще ан¹⁸ зан бѣ ваютъ н лѣкавн^в.¹⁹ то бѣмн бѣ злѣ навѣднть^г на зѣмлю²⁰. понѣже то²¹ глава юсть²². та

ко²³ бѣ²⁴ нсана рѣ. съгрѣшнша ѿ главы н до ногѣ. юже²⁵ ѿ цѣрѣ н до простѣхъ людн н. люте же²⁶ грдѣ томѣ. в немъ же²⁷ на чнеть князѣ онѣ жнн^л. любан²⁸ вннв пннн сѣ гѣсѣмн. ꙗ с младѣмн свѣтъ нннн. сѣковѣна²⁹ ѿ бѣ даиеть^с за грѣхн. а старѣна мѣдрѣна³¹ ѿнметъ³². юкоже нсана глѣть³³. ѿнметъ³⁴ гѣ³⁵ ѿ нѣрѣма³⁶ крѣ пкагѣ крѣпка нсполннѣ^ж. н члѣка хрѣ // брѣ. сѣдѣю³⁷ прѣка. н смѣрена старѣца³⁸ днвнн свѣтнннн. ꙗ мѣдрѣ хѣдожнннн³⁹ н⁴⁰ радѣмнн послѣшннннн^з. ꙗ поставлю онѣшою князѣ нмѣ⁴¹ ꙗ рѣгатѣла ѿбладѣющѣ⁴² нмн⋈

- 1 нет РИХ.
- 2 доб. бѣ РХ.
- 3 нет РИХ.
- 4 нан Р.
- 5 ^а вьшннн дасть И.
- 6 нет ЛРХ.
- 7 дасть ЛРХ.
- 8 бо ЛРИ.
- 9 нет ЛРИ.
- 10 оуправнѣса Л; нсправнѣса Р; оуправнѣ ИХ.
- 11 поставлаеть ен Л; поставлаеть ен Х.
- 12 нан ЛХ.
- 13 оустраиаеть И; оустраиѣ Х.
- 14 правѣцаго Л.
- 15 ^в н кнѣзь правѣднѣзъ бѣ ваетъ Р.
- 16 в Л.
- 17 доб. зѣман Р.
- 18 ^в зан н лѣкавн бѣ ваютъ ЛРИХ.
- 19 ^г то болаше злѣ (болаша злѣ Р) навѣднть бѣ ЛРИХ.
- 20 зѣмлю тѣ РИХ.
- 21 нет РИ.

- 22 есть зѣман РИХ.
- 23 нет Р.
- 24 нет Р.
- 25 еже есть ЛРХ; нет И.
- 26 бо ЛРИХ.
- 27 ^л кнѣзь онѣ ЛРИХ.
- 28 люб И.
- 29 ^с сѣковѣна бо Л; такоѣна Х.
- 30 дасть бѣ Р.
- 31 н мѣдрѣна ЛРХ.
- 32 ѿнметъ РИ.
- 33 рѣчѣ Л.
- 34 ѿна Р.
- 35 бѣ Р.
- 36 ^ж крѣпкаго нсполннн Л; крѣпѣсть. н крѣпкаго нсполннн РИХ.
- 37 н сѣдѣю н ЛРИХ.
- 38 ^з радѣмннн. послѣшнннн Л.
- 39 хѣтрѣца РИХ.
- 40 нет И.
- 41 нхѣ Р.
- 42 ѿбладѣющѣ И; ѿбладѣтѣл Р.

Разумеется, объем отрывка таков, что делать сколько-нибудь значимые наблюдения над типом текста *ПВЛ*, из которого он происходит, и сложно, и рискованно. Следует, однако, прежде всего отметить отсутствие в отрывке дефектов двух старших списков — *Лаврентьевского* (пропуск днвннн свѣтнннн. ꙗ мѣдрѣ хѣтрѣца; послѣшнннннн вместо послѣшнннннн) и *Ипатьевского* (пропуск вьшнннн).

кѣмѹже хѡщѣтъ); они, впрочем, могут быть индивидуальны именно для этих рукописей. Гораздо больше случаев согласия основных списков против чтений нашего отрывка. В случае же их расхождения, РИХ, как кажется, противопоставлены Л. Показательный пример всего один: крѣпкагѡ крѣпка исполнѣ в нашем отрывке, объясняемого из крѣпость. н крѣпкагѡ исполнѣ РИХ против крѣпкагѡ исполнѣ Л. Впрочем, Р нужно исключить из числа возможных источников *Мерила* (ср. н кнѣзь правднѣвъ бѣваетъ против кнѣн правднѣн бѣвають ЛИХ; глава естъ земан против глава кѣтъ ЛИХ; нсанѣ рече против нсанѣ гѣтъ; кнѣ нхѣ против кнѣ нмѣ ЛИХ; ѡбладатѣл нмн против ѡбладѡца нмн ЛИХ; ѡнѣ бѣтъ против ѡнметъ гѣ ЛИХ). Случаи же схождения Р и ИХ против Л могут объясняться контаминацией Р списком типа И⁵. Следует отметить несколько характерных чтений, объединяющих наш отрывок с X: каѣя любо земля против каѣя земля ЛРИ; аще ѡубо против аще во ЛРИ; ѡр нан кнѣ против ѡр н кнѣ ЛИ.

Можно, следовательно, предполагать, что *Мерило праведное* цитирует *ПВЛ* в ее «ипатьевском» облике, т.е., используя уже привычный жаргон, «третью редакцию 1118 г.». Это, вероятно, может стать аргументом в споре о месте создания *Мерила праведного*. Большинство исследователей связывает его составление с Северо-Восточной Русью, но исключительно на основании общих суждений о состоянии культуры и государственности в послемонгольский период⁶. Присутствие в *Мериле праведном* «наказания» тверского епископа Симеона полоцкого князю Константину Безрукому⁷ (1260-е гг.) указывает в противоположном направлении, именно русских земель, позднее вошедших в Великое княжество Литовское. В этом же ареале обращались и списки летописи типа *Ипатьевской*.

- 1 Описание рукописи см.: *Правда русская*. Т. 1. *Тексты*. М., Л., 1940, 89–103.
- 2 *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, hrsg. von Rudolf Schneider [Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, tom XXII] (Freiburg i. Br., 1986), 39–40.
- 3 Rudolf Schneider, “Einführung,” *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, xxv.
- 4 Или один из двух: второй — четыре цитаты из *ПВЛ* в Сильвестровском сборнике. О них см.: Вилкул Татьяна. Летописные вставки из Повести временных лет в Сильвестровско-Минейной редакции Сказания о св. Борисе и Глебе. *Ruthenica* 5 (2006), 37–72. Время составления *Мерила праведного* определяется исследователями различно, но самые консервативные оценки не выходят за пределы второй половины XIII в.
- 5 Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе “Повести временных лет”. *Russian Linguistics* (2002, 26), 79–80, 85–87.
- 6 См.: Rudolf Schneider, “Einführung,” *Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe*, xxii.
- 7 О нем см.: Анти Селарт, Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. *Беларускі гістарычны агляд* (2004, vol. 11, no 1–2), 3–25.

Алексей Толочко

Из биографии Яня Вышатича

Янь Вышатич — один из наиболее востребованных персонажей древнерусской истории не княжеского происхождения. Его деятельность нашла широкое отражение в *Повести временных лет*, одним из источников которой стали рассказы Яня. Благодаря этому о нем мы знаем больше, чем о других княжих мужах его времени, что, впрочем, порождает еще больше вопросов и дискуссий относительно его биографии и родословной. Наиболее разработанной, однако довольно гипотетической, оказалась идея Прозоровского–Шахматова–Лихачева о длинной родословной Яня, уходящей в X век¹. При этом устанавливалась прямая нисходящая связь таких исторических персонажей: Янь–Вышата–Остромир–Коснятин–Добрыня, а далее некий Малк Любечанин, возможно, древлянский Мал и даже Мстиша/Лют Свенельдич, и, соответственно, воевода Свенельд.

Учеными предпринималось немало попыток разорвать эту заманчивую цепь. Не станем сейчас обсуждать век X, а сконцентрируемся на XI столетии. Связь Остромира с Коснятином и впрямь неочевидна и умозрительна. Высказанная Д.И. Прозоровским, эта мысль — лишь одно из объяснений приписки дьякона Григория к *Остромирову Евангелию*, сообщающей о родственных связях Остромира с Изяславом Ярославичем². Б.А. Рыбаков, к примеру, осторожно признавал вероятность родственной связи Остромира и Коснятина, отмечая невозможность судить об этом достоверно³.

Вопросы у исследователей вызывало и следующее поколение этой предполагаемой «династии», а именно связь Вышаты, Остромира и Яня. Так, А. Поппэ вслед за М.Д. Приселковым доказывает, что Вышат было два⁴. Из них один — сын Остромира, новгородец, другой — отец Яня, киянин. Основание для такого вывода дали два летописные сообщения. Под 1064 и 1043 г. Вышата представлен по-разному: как сын Остромира и как отец Яня соответственно. Под 1043 г. рассказано об участии Вышаты в походе Владимира Ярославича на греков, а под 1064 г. — о бегстве Вышаты в Тмутаракань вместе с сыном Владимира Ростиславом. Вышата-киянин, по мнению А. Поппэ, в 1043 г. был ослеплен и вряд ли мог вести активную деятельность после этого, например, бежать с Ростиславом из Новгорода в 1064 г. Кроме того, А. Поппэ придает большое значение политической лояльности Вышаты и Яня. Ученый не допускает, что Янь мог служить Святославу Ярославичу (что зафиксировано в летописной статье 1071 г.), если его отец Вышата в 1064 г. участвовал на стороне Ростислава Владимировича в конфликте с Глебом, сыном Святослава.

Все указанные аргументы, впрочем, отнюдь не убедительны. Недавно С.М. Михеев отметил, что у нас нет прямых указаний на ослепление Вышаты в 1043 г.; тогда ослепили просто «Руси много»⁵. Даже если Вышата пострадал, нет оснований думать, что после этого он стал недееспособным — ведь был дееспособным Василько Теревольский после ослепления. Кроме того, следует представить маловероятную ситуацию: в Новгороде в одно время живут два

Вышаты. Представление о Вышате как коренном киянине спорно. Из статьи 1043 г. ясно, что Вышата на самом деле воевода Владимира, а Ярославов воевода — Иван Творимирич. Следовательно, Вышата пришел с Владимиром из Новгорода, а вот Иван Творимирич — из Киева.

Аргумент о конфликте лояльностей Яня и Вышаты не вполне убедителен. Представление о жесткой, переходящей по наследству, «прикрепленности» бояр к одной конкретной княжеской линии спорно и не имеет достаточных подтверждений. Кроме того, Янь, уроженец Новгорода, мог не участвовать в победе своего отца⁶. Переход на службу к Святославу мог быть связан с появлением Глеба Святославича в Новгороде. Не потому ли Янь выполнял службу в пользу Святослава именно на севере? И не потому ли после рассказа о Яне и волхвах идет рассказ о подавлении Глебом возмущения новгородцев, спровоцированного волхвом? Свидетельства Яня, очевидца событий, как раз могли быть источником летописи.

Интересно, что исходное намерение сделать из Вышаты двух человек могло возникнуть под впечатлением от двух различных летописных характеристик Вышаты: как сына Остромира и как отца Яня. Собственно, одно не исключает другого. Более того, если одно из сообщений было составлено летописцем 1070–1080-х годов, для которого еще не Янь, а Остромир был значительной фигурой, все становится на свои места. Два сообщения составлены разными летописцами.

Не имея целью реабилитировать древнюю гипотетическую генеалогию Яня, надо признать, что прямая связь трех последних поколений — Остромир–Вышата–Янь — представляется вполне справедливой.

Уже давно исследователей интригует запись о походе Яня с Иванком Захарьичем Козарином в 1106 г. на половцев: «Воеваша Половци школо Зарѣчьска . и посла по ни^х Стополкъ . Яна . и Иванка Захарьича Козарина . и оугониша Половцѣ . и полонѣ шташа» (*Лавр.*, л. 94 об.) Еще К.Н. Бестужев-Рюмин сомневался, как мог глубокий старик идти в поход, но предполагал, что имеется ввиду другой Янь⁷. Это чем-то напоминает «раздвоение» Вышаты, предложенное А. Поппэ. О.В. Творогов в комментариях к тексту *ПВЛ* высказал сходное предположение, что указанный в сообщении Янь совсем не Вышатич, а брат Иванка Захарьича⁸.

Интересно, что в *Ипатьевской летописи* имеются приписки, сообщающие дополнительную информацию. Так, у Яня появляется отчество — Вышатич, а также вносится новый герой — «брат его (Яня — В.А.) Путятя». Перед словом «Козарина» стоит союз «и», что вводит еще одного персонажа. «Повоева . Половци школо Зарѣчьска и посла по нихъ . Стополкъ Яна [Вышатича] [и брата его Путятю]. Иванка . Захарьича . и Козарина . и выгонивше Половцѣ . до Дунаѣ . поло^б ѡташа а Половцѣ [исъсѣкоша.]» (*Ипат.*, л. 96 об.). Слова «Вышатича» и «исъсѣкоша» надписаны над строкой, слова «и брата его Путятю» — на нижнем поле. Характерно, что в *Хлебниковском* и *Погодинском* списках союз «и» перед словом «Козарина» отсутствует.

Подобный вид имеет и соответствующее известие *Софийской первой летописи*. На основании этих якобы параллельных сообщений обычно делают вывод

о том, что Вышата имел двух сыновей: не только Яня, но и Путятю. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что база сего утверждения отнюдь не безупречна. Взглянем на сообщение новгородской летописи внимательнее: «[...] посла по нихъ Святополкъ Яня *Вышатича и брата [его] Путятю [и] Иванка Захарьича и Козарина* и угонивши ихъ Янь полон отъяша, *а поганыхъ иссѣкоша*»⁹. Курсивом выделен излишний, по сравнению с *ПВЛ* (по *Лаврентьевскому* списку — тут он выступает как критерий) текст; именно он практически полностью приписан на маргиналиях *Ипатьевского* списка.

В своем исследовании происхождения *Ипатьевской летописи* А.П. Толочко пришел к выводу об использовании ее составителями новгородской летописи типа *Софийской первой* (т.н. «Новгородско-Софийского свода», около 1418 г.)¹⁰. Это открытие многое объясняет в вопросе о формировании летописных текстов про Яня. Теперь понятно, что избыточная информация *Ипатьевского* списка позаимствована из протографа *Софийской первой летописи*. На ее чужеродное происхождение указывает и маргинальное расположение приписок. Следовательно, происхождение подробностей о родственных связях Яня надо искать в творчестве составителей новгородского свода начала XV в.

В отличие от нейтрального сообщения *ПВЛ*, в новгородской летописи главным героем известия о случае с половцами определенно выступает Янь. Именно внимание к его персоне, надо полагать, побудило сводчика внести дополнительную информацию. Он уточнил, что Янь именно Вышатич — из сообщения *ПВЛ* это неочевидно. Кроме того, он увеличил количество персонажей, с помощью одной лишь буквы «и» создав «Козарина». Из текста *ПВЛ* также не явствовало, что Путятя брат Яня. Однако сводчик и тут прибегнул к нехитрым, вполне историческим, методикам. Под 1089 г. в *ПВЛ* он нашел информацию о том, что Янь был тысяцким: «воеводство держащу Къневьскыа тысяща Яневи»¹¹. Следующим известным киевским тысяцким был, упомянутый в статье 1113 г., Путятя: «Китани же разьграбиша дворъ Путатинъ . тысячького»¹². Весьма простые размышления и сопоставления, вероятно, подвигли новгородского сводчика связать двух тысяцких родственными узами.

Примечательно, что сам интерес к особе Яня мог быть вызван наблюдениями новгородских книжников, довольно схожими с теми, которые сделали много позднее ученые. Зная об Остромире новгородском (из той же *ПВЛ*), они также интересовались его родственниками и, как впоследствии историки, установили связь между ним, Вышатай и Янем. Как указывалось в литературе (Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко), именно в XV в. просыпается живой интерес новгородских книжников к своей древней истории, что выражается в «домысливании» многих ее эпизодов, объяснении и дополнении важных сюжетов и внесении в летописи разного рода текстов: списков князей, *Краткой правды*¹³. Конечно, не все уникальные сообщения новгородских летописей за XI в. фальшивы, однако то, что многие из них были искусственно созданы или отредактированы книжниками XV в., не вызывает сомнений. И «прагматическое» объяснение, и «синтез» разрозненных исторических фактов, и обогащение/улучшение истории, и увеличение количества действующих лиц — все это типичные черты работы поздних

летописцев со своими источниками. Скорее всего, в контексте этого позднего интереса к местной старине и следует рассматривать конструирование дополнительных биографических подробностей о Яне.

Таким образом, основания считать Путятю братом Вышаты, признавать его участие в походе 1106 г., а данное сообщение в новгородских летописях аутентичным, более чем шаткие.

- 1 Прозоровский Д.И. О родстве св. Владимира по матери. *Записки Императорской академии наук*. Т. 5. СПб., 1864, 17–26; Шахматов А.А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908, 340–377; Лихачев Д.С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. *Исследования по древнерусской литературе*. Л., 1986, 113–136. В общих чертах ее недавно поддержал Т.В. Гимон, см.: Гимон Т.В. Янь Вышатич и его предки: Новые соображения. *Восточная Европа в древности и средневековье: Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 14–16 апреля 2010 г., Москва. Мат-лы конф.* М., 2010, 60–66.
- 2 Его критика: Поппэ А. Феофана Новгородская. *Новгородский исторический сборник*, 6(16), СПб., 1997, 107.
- 3 Рыбаков Б.А. *Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи*. М., 1963, 204.
- 4 Поппэ А.В. А.А. Шахматов и спорные начала русского летописания. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, № 33. М., 2008, 80–82. Ср.: Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940, 18. Также на тему родословной Свенельда: Поппэ А.В. Родословная Мстиши Свенельдича. *Летописи и хроники*. 1973 г. М., 1974, 64–91.
- 5 Михеев С.М. *Разыскания по истории текста «Повести временных лет»* (рукопись), 149–150.
- 6 Кстати, о Вышате после 1064 г. нет никаких известий, из чего можно заключить, что он скончался вскорости после этой даты.
- 7 Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV века*. СПб., 1868, 21.
- 8 Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова). *БЛДР*. Т.1. СПб.: Наука, 1997, прим. 550. Теоретически, ничего невероятного в том, что Янь в глубокой старости участвовал в походе, нет. Собственно, непосредственно следующее сообщение — о его смерти сразу же после похода. Если бы речь шла о двух различных персонажах — некоем Яне, ходившем в поход, и Яне, близком знакомце автора, умершим после похода — летописец (весьма внимательный к Яню и его семейству) не приминул бы как-то обозначить это обстоятельство.
- 9 *ПСРЛ* 5,1: 157.
- 10 См.: Толочко А.П. Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи. *Palaeoslavica* (XIII, 1, 2005), 94–97.
- 11 *ПСРЛ* 1: 208.
- 12 *ПСРЛ* 2: 275.
- 13 Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод. *Palaeoslavica* (XI, 2003), 20–34; Толочко А.П. *Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста*. К., 2009, 69–70.

Вадим Аристов

«Троян» Слова о полку Игореве

Каждое время создает образы, функционирующие в русле его культуры, понятные людям этой культуры. Лексически сформулированные, они становятся достоянием литературного процесса, зачастую создавая сложности в понимании для позднейших читателей. Если разрыв между культурами велик в силу временных или исторических обстоятельств, либо образ имеет узкое применение, его понимание становится весьма затруднительным. Для того же, чтобы его все же

адекватно осмыслить, нужно принять во внимание особенности той культурной среды, в которой он, по нашему предположению, возник. Специалисты как раз и занимаются адаптацией сложно понимаемых образов прошлого к современным представлениям, облегчая их понимание современниками. Бывают, однако, случаи, когда наука «сбоит», превращая процесс научной адаптации литературного текста в хаотический процесс, похожий больше на «броуновское движение», и исследователи как бы соревнуются в неожиданности, а зачастую нелепости предлагаемых объяснений. Я бы даже сказал, что существуют отдельные тексты, которые по каким-то причинам обладают некоей мистической способностью вытягивать в такой бессмысленный процесс не только легко возбудимых дилетантов или профессиональных авантюристов, но и зрелых ученых, в иных случаях не опускающихся до легкомысленных предположений.

К числу таких литературных произведений, к сожалению, относится *Слово о полку Игореве*. В нем, в частности, четырежды употреблено прилагательное «Трояни», которое обычно печатается с заглавной буквы, но в специальной статье «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», очевидно, для создания большей правдоподобности оригинальной концепции автора статьи оно представлено с прописной¹. Между тем, большинство ученых считают это прилагательное производным от имени собственного «Троян», а Н.М. Карамзин уже в 1816 г. высказал мнение о том, что речь в *Слове* идет о римском императоре Траяне². Вслед за этим последовало множество других предположений, в большинстве случаев выходящих за рамки научных методов, а иногда и здравого смысла. Их многочисленность и неожиданность даже вынудили автора обзорной статьи из «Энциклопедии» прибегнуть к созданию специальной классификации. Произведенный анализ основных мнений по данному вопросу продемонстрировал, что идея Н.М. Карамзина не может быть признана обоснованной только лишь по причине того, что она никак не объясняет смысла упоминаний о «веках Трояна» и «седьмого века Трояна»³. В данной заметке попытаемся исправить этот недостаток.

Еще раз напомним, что автор *Слова о полку Игореве* с особым вниманием относился к апокалиптическим идеям. Об этом свидетельствует его обращение к тексту св. Ипполита Римского *Слово о Христосѣ и о антихристе*, в славянском переводе известном в рукописи XII в.⁴ Одной из характерных особенностей этого вида литературных текстов был интерес к расчетам, с помощью которых можно было определить близость конца света. С этой точки зрения вызывает интерес единственная хронологическая выкладка в *Слове о полку Игореве* — «унылы голоси, пониче веселие ... на седьмомъ вѣцѣ Трояни». По данному поводу характерно мнение В.Н. Перетца, который считал, что «вираховувати, що визначають ці «7 віків», — річ даремнісінька», хотя и обратил внимание на интерес к цифре 7 со стороны Апокалипсиса (7 чаш гнева, 7 ангелов, 7 печатей и т.д.)⁵.

В *Слове святого Ипполита об антихристе*, в этом самом важном сочинении на апокалиптическую тему во всей патристической литературе, написанном ок. 200 г. и хорошо известном древнерусскому читателю в славянском переводе, дается пояснение на стих пророка Даниила (Дан. 9:27) с хронологическими расчетами конца света:

Покажетъ же намъ даниилъ. предложенаа. Глеть во и положить завѣтъ многоимъ. една седмирица. и воудеть въ полу̀седмирица възьметьса мѣнѣ жертва и поинание. единою оубо седмириноу. рекъ послѣднюю. еже на конецъ всего мира. хотящюю быти съказалъ есть. иже седмиринѣ полъ прииметъ ова прѣка. еноухъ. и їна. Сиа во проповѣдати нмата⁶.

Св. Ипполит специально подчеркивает, что «седьморица» будет одна.

Возможно, акцентирование внимания св. Ипполитом на этой детали повлияло на возникновение образа «седьмого века» в *Слове о полку Игоревом*.

Блаженный Августин, анализируя другое пророчество Даниила (Дан. 12:11) об окончании времени, которое настанет после того, как «взметься жертва», т. е. времени гонений христиан от антихриста, сокрушается о том, что, когда

*речь идет о царстве Антихриста... имеющем продержаться небольшой период времени... год, два года и полгода... На латинском языке выражение «времена» (tempora) представляется ... неопределенным. Но оно употреблено в двойственном числе, которого у Латинян нет, как есть оно у Греков ... Выражение «времена» употреблено следовательно так, как если бы было сказано: два времени (duo tempora)*⁷.

Как мы помним, в *Слове о полку Игореве* Троян как раз и упоминается в этом грамматическом контексте «времен» и «лет»: «были вѣчи Трояни, минула *лѣта* Ярославля». То есть, употребленная автором *Слова* форма двойственного числа существительного *лѣта*, очевидно, восходит к устойчивому фразеологизму, характеризующему «последние времена» в каком-то греческом тексте.

Сверх этого, блаженный Августин утверждает, что ошибаются те, которым кажется

*будто Церковь до времени Антихриста не будет испытывать больше гонений, кроме того числа их, то есть десяти, какие уже испытывала, так что одиннадцатым и последним будет якобы гонение от Антихриста. Ибо первым гонением считают то, которое было от Нерона, второе — от Домициана, третье — от Траяна... десятое — от Диоклетиана и Максимилиана... хотя думающие так с видимой тонкостью и остроумием сопоставляют каждую казнь [имеются в виду египетские казни — В.С.] с каждым из гонений, но не по пророческому духу, а по догадке человеческого ума*⁸.

Первое, что очевидно, что Августин полемизировал со своим оппонентом, опираясь на сочинение св. Ипполита Римского, бывшего и остающегося самым авторитетным толкователем апокалиптической информации. Более того, может быть установлена и формальная связь между двумя текстами. Так, в самом начале *Слова о Христе* автор подробно обосновывает сущность пророческого дара *Сии во дхѣм прѣрчьскимъ вси съвършени. [...] прѣрчь сѧ пророкъ наречеть. развѣ тако дхѣм прозъраше воудущаа [...] всеѣдоуемъ. не ѿ своего помышления*⁹. Второе, что «*лѣта* Ярославля», о которых говорится в *Слове о полку*, это, очевидно, аллюзия на устойчивое представление о периоде непродолжительного господства антихриста, которое наступит **после** предсказанных св. отцами десяти гонений на

христиан, переданная автором *Слова о полку* в форме, свидетельствующей о его знакомстве с греческим первоисточником. Эта последовательность событий и отражена в *Слове о полку* — «были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля». Следовательно «вѣчи Трояни» — это образ «десяти гонений».

Мнение о том, что «десятое гонение» будет и последним перед приходом антихриста, с чем был не согласен Августин, составляло в его время предмет богословского спора. Во всяком случае с мнением о «десяти гонениях», предшествующих приходу антихриста, с которым полемизировал блаженный Августин, мы и связываем отсылку автора к «веку Трояна», при котором происходило *третье* гонение на христиан. А значит, выражение «на седьмом вѣцѣ Трояни» надо понимать как указание на то, что описываемые события, автором *Слова* соотносятся с седьмым «гонением» *после* гонения при императоре Траяне. То есть, «седьмой век Траяна» является десятым и последним перед гонением от антихриста, насыщенным всевозможными неблагоприятными предзнаменованиями, предвещающими наступление апокалипсиса. «Век» в данном случае надо понимать как обозначение события-вне-времени, т. е. события, в котором обычное время теряет свою форму и привычные земные ориентиры, а выражение «вѣчи Трояни» — как аллегория всех десяти гонений.

Значит, по мнению автора *Слова*, введившего таким образом русскую историю в контекст истории всего человечества, десятое гонение было, когда «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу». Одиннадцатое гонение, с которым связывался приход антихриста, — это «лѣта Ярославля» с сопровождавшими их характерными признаками усиления «мързости пагубѣ» («въстона тугою ... тоска разлися ... печаль жирна тече»). В таком случае, следуя апокалиптической хронологии, мы вынуждены будем предположить, что все события, сопутствующие походу князя Игоря, автором *Слова о полку* было предложено рассматривать в свете идеи о Втором Пришествии. Это предположение позволяет нам понять всю художественную систему *Слова о полку Игореве*, но его обоснование выходит за рамки данной заметки.

Итак, выбор эпохи императора Траяна в качестве хронологической точки отсчета начала апокалиптических предзнаменований был сделан автором *Слова* не случайно. Напомним, что в русле широко известной концепции о десяти гонениях только от нее можно было начинать отсчет единственной и «последней седьморины» перед пришествием антихриста, авторитетно обоснованной св. Ипполитом в известном древнерусском переводе XII в.

Возможно, что каким-то образом на возникновение образа «седьмого века» повлияло развитие этих событий, описываемых в «Апологетической поэме» Коммодиана, жившего в сер. III в.:

Много знаменій дано для грядущих несчастій,
Но началом конца будет седьмое гонение наше¹⁰.

В поэме имеется в виду общеимперское преследование христиан в 250 г. при императоре Деции, вошедшее под тем же порядковым номером в церков-

ную историю, и ставшее с течением времени некоей литературной формулой не без влияния пророчества Даниила — «сердце зверино, дастся ему и *седьмь временъ измѣнятся надъ нимъ*» (Дан. 4: 15). Кстати, это произведение Коммодiana интересно тем, что в нем упомянуты готы, в 251 г. перешедшие Дунай и вторгнувшиеся на Балканы, как предвестники освобождения христиан. Такая их оценка противоречит *Откровению* Иоанна¹¹, но, возможно, объясняет, почему в *Слове о полку Игореве* освобождение князя Игоря из плена ознаменовывается тем, что «дѣвици поють на Дунаи». Небезынтересна и другая аллюзия текста *Слова о полку* на это произведение — «се у Римъ кричать под саблями Половецкими», — место, не имеющее внятного пояснения. У Коммодiana это выглядит так:

*Вот, уж стучится в дверь мечом опоясанный...
Он устремится на Рим со многими тьмами язычников...
Узнают зло те, которые преследовали избранных, —
Пять месяцев будут стонать они под врагом¹².*

Итак, мы не видим оснований и дальше подвергать сомнению гипотезу Н.М. Карамзина о том, что в «Трояне» *Слова о полку* следует видеть римского императора. В *Слове* он упомянут в контексте апокалиптических идей, что позволяет связывать происхождение этого образа с литературой апокалиптического содержания, в число которой несомненно входили труды видного богослова конца II — перв. пол. III ст. св. Ипполита Римского, пользовавшиеся необычайной популярностью у древнерусского читателя.

- 1 Троян в «Слове». *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 5. СПб., 1995, 131.
- 2 Карамзин Н.М. *История государства Российского*. Т. 1. Гл. 2. Прим. 69.
- 3 Троян в «Слове», 133.
- 4 Ставиский В. И. Мировоззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени. *ТОДРЛ*. Т. 43. Л. 1990, 133–135.
- 5 Перетц Володимир. «Слово о полку Игоревім». *Пам'ятка феодальної України-Русі XII віку. Вступ. Текст. Коментар*. К., 1926, 290.
- 6 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Под ред. К. Невоструева. М., 1868, 63.
- 7 Августин Блаженный. О граде Божием. *Учение об антихристе в древности и средневековье*. Сост., вступ. статья, коммент. и указ. Б. Г. Деревенского. СПб., 2000, 352.
- 8 Августин Блаженный. О граде Божием, 345.
- 9 *Слово святого Ипполита*, 4–6.
- 10 Коммодиа. Апологетическая поэма. *Учение об антихристе в древности*, 263.
- 11 Коммодиа. Апологетическая поэма, 263, прим. 199.
- 12 Коммодиа. Апологетическая поэма, 263–264.

Вадим Ставиский

«Буй — Роман»

Галицько-волинський князь Роман Мстиславич (1199–1205 рр.) був одним із наймогутніших і впливових володарів на Русі. Літописець називає його *великим князем, самодержцем Русі та царем в Руській землі*¹. Його переможні походи у Половецький степ, хоробрість і войовнича завзятість сприяли створенню в Україні та Польщі народних переказів, легенд і героїчних пісень, в яких образ князя Романа Мстиславича набув епічних рис народного богатиря і шляхетного рицаря. Таким виявом усно-поетичної народної творчості деякі вчені вважають і літописну похвалу князеві, якою відкривається *Галицько-Волинський літопис*:

вдолѣвша всимъ поганьскымъ ѣзыкомъ оума моудростью . ходаша по заповѣдемъ Бжѣимъ . оустремил бо са баше на поганьша ѣко и левъ . сердить же бѣѣ ѣко и рысь . и гоубаше ѣко и коркодиль . и прехожаше землю ихъ ѣко и шрель . храборъ бо бѣѣ ѣко и тоуръ².

Задумаємося, однак, над питанням, наскільки оригінальною є ця характеристика, що, за словами О.Б. Головка, стала «яскравим проявом виникнення та існування» ідейно-політичної думки Київської Русі, в якій сконцентрована «парадигма ідеального державного володаря — князя Романа Мстиславича»³.

Як відомо, укладач *Галицького літопису* щедро використовував *Хроніку* Георгія Амартола, *Александрію*, *Хроніку* Іоанна Малали та *Історію іудейської війни* Йосифа Флавія, вміщені у складі *Хронографа* 1262 р. Чимало цитат та записи з цих творів розпізнані дослідниками. Характеристика князя-воїтеля Романа Мстиславича, здається, також скроєна галицьким книжником із готових літературних лекал. Свого часу О.С. Орлов звернув увагу на те, що цей панегірик було складено за взірцем характеристики Святослава Ігоревича, вміщеній у складі *Повісті временних літ* під 961 р.⁴

Уславлюючи воєнні походи Святослава, старокиївські літописці вирізняють такі риси особистості князя, як його невибагливість, лицарське ставлення до ворога:

Князю Святославу възрастьшю· и възмужавшю· нача вои совкупляти· многи и храбры, и легько ходя· аки пардусь· войны многы твораше· хода възь по собѣ не возаше· ни котъла ни мась варя· но потонку изрѣзав конину ли· звѣрину ли· или говядину на оуглех испекъ ѣдаху· ни шатра имаше· но подъкладъ пославь и сѣдло в головахъ [...] и посылаше къ странамъ глагола· хочю на вы ити⁵.

Зауважуючи, що ця характеристика Святослава забарвлена фразеологією Георгія Амартола⁶, О.С. Орлов, однак, не проілюстрував це твердження відповідними текстами. Скориставшись його підказкою, не важко виявити в *Хроніці* Амартола фразу, що стала джерелом для літопису. Оповідуючи про воєнні походи Александра, хроніст зауважує, що той «скочи акы пардоус съ многою силою

на вѣсточня страны и грады»⁷. Цим літературним прийомом скористався й укладач *Новгородського третього літопису*. Сповідчаючи про вінчання на царство князя Івана Васильовича він, крім інших епітетів («премудр», «храбосерд», «крепорук»), відзначає, що той був до того ж «легок ногами аки пардус»⁸.

Уподібнення Романа Мстиславича Александру Македонському розвивається через низку, приписуваних йому «звіриних» рис. Так, лев був символом лютої сили. Галицький книжник двічі уподібнює Романа левові — у цитованій вже похвалі 1201 р. і в літописній статті 1251 р. Сповідчаючи про повернення Данила із військового походу, він наголошує на тому, що той, «наследивши поуць вѣща своего великаго Романа . иже бѣ изовстрелса на поганыа . яко левъ»⁹. О.С. Орлов гадав, що порівняння Романа з левом галицький книжник запозичив із першої книги *Хроніки Малали*¹⁰. Сюжет, на який, згодом, вказував дослідник, маловиразний та аж ніяк не пов'язаний з образом Александра Македонського. Уявляється малоімовірним, що він був джерелом запозичення. У пошуках відповідних літературних паралелей уподібненню Романа левові звернімося до текстів інших перекладних візантійських творів. Цікавим у цьому відношенні є опис зовнішнього вигляду Александра Македонського в *Александрії*, вкладений в уста посла перського царя Дарія: «видѣх страхъ Александра и красоту его и ум и образъ... по храброму его дерзновению образъ есть его, по всему убо **левов** образ иматъ»¹¹.

Уподібнення Александра леву є наскрізним мотивом вміщеної у складі *Літописця Єлїнського та Римського* повісті «о мужествѣ и доблести умника Александра, храброго царя, иже обыде, аки солнце, всю землю, или рещи, аки зверь неукротимый леопардъ, дръзостию же и умом побѣждая вся страны от промысла вышняго»¹². Образ лева присутній також у вміщеній в *Літописці Єлїнському та Римському* легенді про явлення уві сні македонському царю Філіпу провіщення народження Александра. Зображення лев'ячої голови містилося на печатці, якою було скріплене це послання: «Бяше же прѣстеньъ злат с камениемъ, и въ камени бяше изъбраженьъ образъ солнечный, и глава лвова, и сулица». Вирізьблені на золотому персні ці зображення знаменували, що «рождаеися отрокъ еллинъ, до востока пройдет, аки левъ, бра(ни) творя, и пусты створить грады за знамение суличное»¹³.

Орел — царський птах, який символізує вищу владу, мудрість чи навіть геніальність, героїзм і стан зверхності. Він був символом соціального і духовного підйому, зв'язку з небом, яке забезпечує його максимальною владою і зберігає на цьому рівні¹⁴. У сказаннях про Александра Македонського йдеться про те, як завойовник, намагаючись сягнути неба, запряг для цього орлів. У *Літописці Єлїнському та Римському* смерть Александра також пов'язана з образом орла:

Бысть же на въздусъ мъгла и явися велика звѣзда, сходящи с небесъ на море, и с нею орель и кумиръ вавилонскыи, нарицаемыи Дѣи, подвижася. Звѣзда же, оставши орла, паки възыде на небо, и абие успе Александръ вѣчным сном¹⁵.

Знак орла як геральдичний символ влади побутував в емблематиці багатьох володарів середньовічного світу¹⁶. Роман, названий у літописі *царем*, міг вклю-

чити зображення орла до повсякденного геральдичного оснащення княжого двору. Як відомо, поблизу Холма Данило звів «столпъ.. камень, а на нѣмь орель камень изваянь. Высота же камени десяти лакоть с головами же и с подножьяками 12 лакоть»¹⁷. Холмський кам'яний монумент зі скульптурним зображенням орла покликаний був, як уявляється, символічно засвідчити королівську гідність Данила Романовича.

Порівняння Романа з екзотичним крокодилем галицький книжник, імовірно, запозичив з опису способу життя індійських брахманів, з якими зустрічався під час своїх походів Александр Македонський. У тій країні, йдеться у *Хроніці* Георгія Амартола, «мужи на одиной странѣ окіяна живоуть, жены ихъ обонъполь соуть реки Гала Гаингия, текущи въ окіянь къ странѣ Индистѣи». Подолати цю перепону для тамтешніх чоловіків було непростю справою, «зане звъръ есть в неи, глаголемыи зоуботомитель. [звър же тои] вели, въ рѣць живыи, многы сло-на пожрети цѣла»¹⁸. Цей «зоуботомитель», як стає ясно із подальшого викладу, і є крокодилем.

На Русі образ Александра Македонського набув особливої популярності в XIII ст., коли грецька *Александрія* була перекладена слов'янською мовою. *Александрія* відома у давньоруській літературі у кількох редакціях. Перша редакція входила до складу хронографічного зводу XIII ст. і збереглася в *Архівському* і *Віленському* хронографах та списках першої редакції *Літописця Єлинського і Римського*¹⁹. Цей історичний персонаж згадується у вміщеній у складі *Повісті временних літ* під 1096 р. етногенетичній легенді про походження половців та інших кочових народів, заклепаних Александром Македонським у пустелі²⁰. *Молитва (Слово)* Даниїла Заточника з-поміж іншого містить побажання руським князям віднайти в собі «храбрость Александрову»²¹. Образ Александра Македонського, певним чином пов'язаний з християнськими канонічними книгами, був вельми популярним не тільки в давньоруській книжності. Він знайшов втілення у багатьох мистецьких пам'ятках. Доволі поширеними у середньовічному мистецтві були зображення «вознесіння» Александра. Ця тріумфальна композиція була, як доводять фахівці, своєрідним гімном, або «апофеозом монархической власти, о чем свидетельствуют его («польоту Александра» — В.Р.) воспроизведения на стенах соборов, на диадемах, наконец, на монетах великого князя тверского Бориса Александровича». Примітно, що образ Александра Македонського «неоднократно встречается в русских магических текстах, связанных с военным делом. При этом ряд заговоров от вражеского оружия (вполне христианского характера) фигурирует в сборниках первой половины XVII и 30-х гг. XVIII в. как «молитва царя Александра Македонского»²².

Таким чином, літописна похвала князя Романа Мстиславича скроєна галицьким книжником із готових літературних лекал. Подибувані ним характеристики Александра Македонського у перекладних візантійських творах були цілеспрямовано перенесені на нашого героя.

Насамкінець, слід зупинитись на питанні про літературне походження літописного звороту «одолѣвша... оума моудростью», його ідейний зміст та зв'язок із характеристикою Романа у *Слові про Ігорів похід*. Сюжет про подолання ро-

зуму мудрістю галицький книжник запозичив, як і підозрював О.С. Орлов²³, із *Хроніки* Малали. У першій її книзі, зокрема, йдеться про

доброродного Иракла, его ж глаголють в яме лвове въживоуща и палицу имуща и три яблока дръжща, я три яблука ему отемшю въ кощуне глаголють им палицею оубившю змя, рекше *одолешиа частым злым похотем ума мудростию* [тут і далі виділено мною — В.Р.] акы палицею ходяща въ котызе, акы въ леви яме въ тверде уме и тако отемше три яблука еже суть трие добрие нравы еже не быти гневливому ни златолюбцу ни блуднику, палицею *трънетливои души язвьномъ буюю мысль уму победим*²⁴.

У *Слові про Ігорів похід* для характеристики його персонажів неодноразово використовуються епітети *буй*, *буй-тур*, *буєсть* тощо. Не уникнув такої «похвали» і князь Роман Мстиславич:

А ты буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
Яко соколь на вѣтрехъ ширяеся,
Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти²⁵.

За спостереженнями М.П. Сидорова, у пам'ятках давньоруської літератури, починаючи від *Остромирова Євангелія*, де *буй* означає дурість, безумство, всюди слово *буєсть* виступає тільки в негативному значенні. Навіть Володимир Мономах, звертаючись до Богородиці, скаже: «Избави нас от буести и тленности»²⁶. Якщо у літописі нерозумні помисли Романа долаються мудрістю, то у *Слові про Ігорів похід* навпаки — «буєсть» переважає над розсудливістю. Ця майстерна літературна гра вкотре виказує неабиякий, осяяний іскристою іронією талант *Словотворця*.

- 1 Подібна титулатура не була нормою політичної практики середньовічної Русі. Вона спорадично вживалася давньоруськими книжниками для підкреслення політичного престижу та авторитету того чи іншого князя. (Ширше див.: Vodoff V., "Remarques sur le valeur du terme "tsar" appliqué aux princes russes avant le milieu du XV e siecle," *Oxford Slavonic Papers. New Series* (1978, Vol. XI, 16–20); *Idem*, "La titulature des princes russes du Xe au debut du XIIe siecle et les relations exterieures de la Russie Kievienne," *Revue des Etudes Slaves* (1983, I), 139–150).
- 2 *ПСРЛ* 2: 715–716.
- 3 Головко О.Б. *Князь Роман Мстиславич та його доба*. К., 2001, 206–208.
- 4 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи. *ИОРЯС*, 1926. Т. XXXI, 104.
- 5 *ПСРЛ* 1: 64–65.
- 6 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 7 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: *Текст*. Пг., 1920 [Репринтне відтворення: *Die Chronik des Georgios Hamartolos* (München, 1972)], 42. Порівн.: «И абие устремися Александръ встоку, и оттоль море перскочи, акы пардус, дръзостию воюя землю Сурскую» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1. *Текст*. СПб., 1999, 103).
- 8 *ПСРЛ* 3: 250.
- 9 *ПСРЛ* 2: 813.
- 10 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 11 *Александрия*, л. 53. Порівн.: «Всьм одолѣль Александръ и вся мужескы творя. По храброму

- его дръзновению и образъ убо его по всему лвовъ имѣя, глядаа борзостию подобень звѣри, а храброством аки огонь» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1:117); «образъ убо имяше чловчьскыи, гриву же лвову, очима же зорокъ, десьное убо око долу зряше, а шугее зекро, зубы же его остры, яко змиеви, подобие же лвово имяше, скоръ и ясенъ же бяше» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 92).
- 12 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 159.
- 13 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 90. У війнах Александр, «устремляясь на вѣсточныя грады, аки лев, или, рещи, леопардъ, неукротимыи звѣр, лова брашна въсхытити, тако бяше и сии. Но имяше утробу милостиву къ всѣм, мужеством же подобень звѣри» (*Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 110). У цьому творі Александр, як і герой *Галицько-Волинського літопису*, уподібнюється риси.
- 14 Ковачев А.Н. Символы власти и их интерпретация в различных культурах. *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе*. СПб., 2006, 260.
- 15 *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 177.
- 16 Див.: Kiersnowski R., *Symbol ptaka, Imagines. Potestatis: Rytuaty, symbole i konteksty fabularne władzy zwierzchniej. Polska X–XV w. (z przykładem czeskim i ruskim)*. Pod. red. Jacka Banaszkiwicza (Warszawa, 1994), 106–116.
- 17 *ПСРЛ* 2: 845.
- 18 Истрин В.М. *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: 49; Порівн.: *Летописецъ Еллинский и Римский*. Т.1: 144, 164: «Коркодили, егоже всякъ звѣрь боится, аще бо ся на что разгньвает и посчит на древо, то все пламенемъ изгорить».
- 19 Истрин В.М. *Александрия русских хронографов: Исследование и текст*. М., 1893, 243–249; Творогов О.В. *Александрия Хронографическая. СлККДР. Вып. I. (XI — первая половина XIV в. Л., 1987, 35–37.*
- 20 *ПСРЛ* 1: 234.
- 21 Зарубин Н.Н. *Слово Даниила Заточника по редакциям XII — XIII вв. и их перделкам*. Л., 1932, 34, 73.
- 22 Чернецов А.В. «Полет Александра Македонского»: новые материалы к иконографии. *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева*. М., 2008, 57–58.
- 23 Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104.
- 24 Истрин В.М. «Хроника» Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В.М. Истрина. Подготовка издания, вступительная статья и приложения М.И. Чернышевой. М., 1994, 17–18.
- 25 *Проическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие*. М., 1800, 31.
- 26 Сидоров Н.П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». *Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей*. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М; Л., 1950, 166. Порівн.: Робинсон А.Н. *Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.* М., 1980, 275.

Володимир Ричка

К тексту описания новгородского пожара 1217 г.

В Синодальном списке I *Новгородской летописи* (лл. 87 об.–88), в части, датируемой 2-й полов. XIII в., о пожаре 1217 г. сказано следующее:

Той веснѣ згорѣ сѧ мѣдѧ • | магна • въ • лѧ • ѿ нвѧна кары|шевнѧ • въ середѣ оуѧра • пеуѧне || н погорѣ до оуѧннѧ вхе поль •¹.

Цитата эта издавна была знаменита в науке написанием **вхе** вм. **всь** или **вьсь**. В Синодальном списке написание **вхе** встречается лишь однажды (во 2-ом почерке), в то время, как написание **вьсь** фигурирует 4 раза и **всь** — 12 раз. Замен конечного **-ь** на **-е** в этом слове (т.е. форм типа ***все = всь**) в Синодальном списке более не встречается². Буква **-х-** в слове **вхе** в рукописи потом была подскоблена и переделана в **-с-**.

В написании **вхе** привыкли видеть след «непрошедшей» так называемой третьей палатализации заднебных согласных, результат несостоявшегося смягчения [x] в [я'] в позиции после **-b-**. Тем самым **вхе**, употребленное вместо нормального **вьсь**, которое, как полагают многие, произошло из праслав. ***vъxъ**, фактически воспроизводило на пергамене его славянскую праформу (!). Впрочем, удивляться тут нечему. Славистика, наука молодая, энтузиастическая, любит подчеркивать необыкновенную славянскую языковую и культурную архаику и не стесняется обнаруживать ее везде, где только ни придется. Всё-то ей мерещатся фантастические реликты «детства» языка и культуры: «глубинные» архаизмы, невероятные исключения из общих стеснительных правил и обязательных процессов, завлекательные гапаксы, ну, и тут же: языческие идолы, культы, пантеоны и прочие чудеса...

Правда, с **вхе** вышла небольшая очередная незадача — такие серьезные этимологи, как И.Ю. Миккола и О.Н. Трубачев, отрицают наличие [x] в основе праславянского местоимения, считая [s] здесь исконным звуком, и связывают происхождение ***vъsъ** и литов. уш. *visas* с балто-славянской основой со значением «размножать, выводить», привлекая литов. *veĩsti* «плодиться», *veisklė* «выводок, род». В поддержку этой этимологии предлагаются семасиологические параллели, — указывается на родственные отношения между немецк. *all* «весь» и готск. *alan* «растить», отмечается происхождение латин. *totus* «весь» от индоевроп. **teu* — «увеличиваться, разрастаться»³.

Таким образом, **вхе** в этом летописном эпизоде (как **вхоу** в грамоте Варлаама Хутынского ок. 1192 г. и формы этого местоимения с **-х-** в берестяных грамотах, а также написание **с мѣхнѣ** [мк]ѣ в берестяной грамоте № 496 XV в.⁴), отражая глухое шепелявое произношение [s'], оказывается довольно рано зафиксированной инновацией, а не праславянским пережитком, как хочется думать романтически настроенным лингвистам. Возможно, что такое произношение [s'], время от времени фиксируемое формами местоимения **вьсь** в новгородских древних текстах, провоцируется близостью согласного звука [v]. Во всяком случае, многие (если не все) диалектные примеры с **-х-** на месте общерусского **-с-** содержат **-в-** в непосредственной близости от мягкого шепелявого согласного: Новгород. *хвистать*, *захвистал похвистом*⁵ псков. *на хъвете*, etc.⁶ Новгородским формам местоимения **вьсь** с **-х-** известную параллель представляют формы этого местоимения с **-ш-** из псковских памятников XIV–XVI вв.: **вшю**, **вшѣ**, **вшѣ**, **вшн** etc.⁷ И только очевидный инновационный характер славянского звука [ʃ] помешал древнепсковским местоимениям занять почетное место в ряду «архаических» явлений языка рядом с новгородскими. Языковые инновации, иногда — на радость всеядным романтикам — принимающие обманчивый вид архаизмов, т.е.

своего рода «неоархаизмы», вообще свойственны письменности и говорам псковско-новгородского ареала⁸.

Причиной пожара, от которого сгорел **вхе полъ**, т.е. вся торговая часть Новгорода, Синодальный список называет возгорание **пеуъне**. В Комиссионном списке серед. XV в. на этом месте стоит слово **пеуъне**, в Академическом списке 40-х гг. XV в. — **пеуень**, в Толстовском списке 20-х гг. XVIII в. — **пеуень**⁹. Что это такое? Заглянем в словари. Единство во взглядах на эти слова отсутствует. И.И. Срезневский увидел в слове **пеуъне** наречие **пеуънь** со значением «жарко»¹⁰. За ним последовал и *Словарь русского языка XI–XVII вв.*¹¹ Не так поступили составители *Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, которые, ориентируясь на Академический и Толстовский списки, реконструировали в качестве исходной форму сущ. м.р. **пеуънь**, приписав ей (впрочем, с вопросом) значение «пекарня (?)»¹². Не уточняя значения, как «пример номинатива на -е» (т.е. в качестве сущ. им. ед. м. р.), — со ссылкой на В.Б. Крысько — слово **пеуъне** в составе летописной цитаты приводила *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.*¹³.

Согласимся с теми современными толкователями, которые утверждали, что **загорѣ сѧ [...] пеуъне** в нашей цитате следует понимать как сочетание глагола с существительным, сказуемого с подлежащим, а не глагола с наречием. При этом данные севернорусских говоров дают нам основание предполагать, что др.-новг. **пеуъне** возникло из ***пеуъно**, подвергшись слоговой ассимиляции.

В Боровичском и Поддорском районах Новгородской обл. зафиксировано слово среднего рода *печнó* в значении «русская печь» («*печно* — русская печка»). В Поддорском р-не это слово также значит «печник» («нам бы *печно* пригласить, а то печь совсем не греет»¹⁴). В Пинежском р-не Архангельской обл. отмечено слово *печнó* в значении: «угощение после окончания кладки печи», а в Каргопольском у. Олонецкой губ. известен его синоним — субстантивированное прилагав *печнóе*¹⁵. О былом наличии основы *печн-* в пермских говорах (вероятно, в значении сущ. *печь*) свидетельствует пермская композита *печенлáz* «печник», восходящая к *печнелаз или *печнолáz («я в молодости был хорошим *печенлазом*, и меня приглашали часто то класть печь, то прочищать»)¹⁶.

Что же до значения, то в др.-новг. **пеуъне** (из ***пеуъно**) логично было бы увидеть обозначение близкого, но не вполне тождественного «печи» объекта, а именно: краткое субстантивированное прилагательное среднего рода со значением «деревянное основание печи; место, на котором стоит печь; опечье», своего рода «свертку» термина *печнó(е) место*, представленного в севернорусских говорах:

«А это *печнó мѣсто*, деревянно оно, а на *печнó мѣсто* каменну печь кладут» (Кемский р-н Карелии).

— *Печнóе мѣсто из дерева делают: на пол бруски в лапу запиливают, а внутри выстилку из кирпичика делают*» (Вытегорский р-н Вологодской обл.).

— *Печнóе мѣсто деревянное, на него полагается песок, а потом печь*» (Беломорский р-н Карелии)¹⁷.

Ср. также *пéчно-угол* «угол, противоположный печи» (Петрозаводский и Заонежский уу. Олонецкой губ.) и термины с деаффрикатизацией аффрикаты -ч-: *песнѣ-место* «место, на котором стоит печь» и *пестно́-угол* «угол в избе, где стоит печь» («Я тронулся на лавочку к пестно-углу»), т.е. *печно-место* и *печно-угол*, засвидетельствованные, соответственно, в Онежском р. Карелии в 1-й полов. XX в. и в Пудожском у. Олонецкой губ. во 2-й полов. XIX в.¹⁸ Заметим, что пребывая в составе терминологического словосочетания и в составе композит, атрибутивный элемент *печно́/пéчно́-* явно тяготеет к автономному от них бытию.

Деревянное основание печи скорее могло загореться, чем собственно печь.

Время возгорания указано: **въ середь оутра**. Чтобы понять, какой отрезок времени имелся в виду летописцем, воспользуемся соображениями Н.В. Степанова:

«По-видимому, утро начиналось в период вставания людей, непосредственно перед рассветом, «перед зорями въ нощи». Заканчивалось утро через несколько времени по восходе солнца, в период обеда, может быть перед самым обедом (часов около 10 по нашему счету часов). Утром развертывалась вся деятельность отдохнувшего после сна человека; поэтому ни одна часть суток так не богата описаниями различных последовательно идущих моментов, как утро»¹⁹.

Время, обозначенное как **въ середь оутра**, видимо, соответствовало нашим 6–7 часам утра.

Торговая часть Новгорода с 6–7 часов утра **до оудьннн** сгорела полностью. В вариантах Комиссионного списка серед. XV в. сказано: *до удения/уденья/уденья. Софийская I летопись* по списку М.А. Оболенского 2-й половины 70-х — нач. 80-х гг. XV в. под 1237 г. имеет форму *въ удение*. Цитаты из Синодального списка и *Софийской I летописи* составили основу статьи «**здыңнне = зденнне** — полдень» в *Материалах...* И.И. Срезневского, а варианты Академического и Толстовского списков *I Новгородской летописи*, предлагающие вместо *удение* слово *полдни*²⁰, решили проблему определения значения этого слова.

Обратимся к диалектам. Слово *удень* и его формы в значении «полдень», в основном, отмечены в калужском говоре: *удни* (мн.) «полдень, полдни», *удней* «полдень» (из *удень* путем метатезы -e/-n'-), *науденью* «в полдень, пополудни» (из **науденью* с метатезой -j-).²¹ Однако наличие в севернорусских говорах обозначений женских демонов (псков.) *уденица* и (карельск.) *удёлни́ца* (по диссимиляции -n'n'- > -l'n'- восходит к **уденьници*), чьи появления могли приурочиваться к полдню, т.е. местных аналогов общеславянской *полудницы*²², косвенно указывает на былое наличие производящего слова *удень* в значении «полдень» в севернорусской зоне.

Итак, пожар, начавшийся от возгорания деревянного основания печи около 6–7 часов утра 31 мая 1217 г., к полудню уничтожил всю торговую часть Новгорода.

1 *Новгородская харатейная летопись*. М., 1964, 180–181.

2 Ляпунов Б.М. *Исследование о языке Синодального списка I-ой Новгородской летописи*. Вып. I. СПб., 1899, 61.

- 3 Mikkola J.J. *Urslavische Grammatik*. II. Teil. Konsonantismus. Heidelberg, 1942, 178. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I. М., 1986, 2-е изд., 304–305. Трубачев О.Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Т. I. М., 2004, 331–332 прим. 19.
- 4 Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. М., 2004 (2-е изд.), 46, 682.
- 5 Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии. СПб., 1904, 7 [= *Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*. Т. LXXVII, № 7]. *Словарь русских народных говоров*. Вып. 11. Л., 1976, 146. Ср. также: *выхвистать, выхвистывать, захвистать, похвистывать* в русских говорах Прибалтики (*Словарь русских народных говоров*. Вып. 6 (2-е изд.). СПб., 2002, 48. Вып. 11. Л., 1976, 146. Вып. 30. СПб., 1996, 345); Ленинград. *выхвистнуть* «вышибить» (*Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 1. СПб., 1994, 309), архангел. *захвистнуть* «закинуть» (*Словарь говоров Русского Севера*. Том IV. Екатеринбург, 2009, 227).
- 6 Чернышев В.И. *Сказки и легенды пушкинских мест*. М.;Л., 1950, 40, № 16. К возможному воздействию [v] на свистящий [s] в сторону его «шепелявого» оглушения ср. примеры замены аффрикаты этим [s] при наличии [v] в постпозиции: *святы* (Изборск Псковского у.), *светы* (Валдайский у.), *светики* (Белозерск), смолен. *тварох засвих* «тварог заплесневел, (т.е. *зацвѣл*)»; **въ свѣте** «*èν λείμῳ*» в новгородском *Ирмологии* конца XII в. (адреса примеров см.: Страхов А.Б. Критические заметки по поводу некоторых черт «кривичского» диалектного наследия в интерпретации С.Л. Николаева. *Palaeoslavica II* (1994), 286–287.
- 7 А также старые западнославянские «шепелявые» формы: др.-чеш. *veš*, ж. р. *všě*, ср. р. *vše*; др.-польск. *wszu, wsza, wsze*. Подробнее см.: Страхов А.Б. Критические заметки, 292–296. Как инновационное новгородско-псковское изменение [s/š > x] понимает обсуждаемые факты и Я.И. Бьёрнфлатен в статье: Опыт лингвогеографии Псковской области. *Dialects of the Pskov Area. History and Dialectology of the Russian Language*. Oslo, 1997, 15–18.
- 8 См. мои статьи, специально посвященные рассмотрению несуществующих псковско-новгородские «архаизмов»: Страхов А.Б. Критические заметки, 251–268, 270–301. Страхов А.Б. Новгородские и псковские «переходы» *мл' > н', tl > кл, dl > гл*: альтернативные решения. *Palaeoslavica VII* (1999). С. 275–296; VIII (2000), 273–296.
- 9 *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М., 2000, 258 (= *ПСРЛ*. Т. III).
- 10 Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 2. М., 1958, 929.
- 11 *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 15. М., 1989, 40.
- 12 *Словарь древнерусского языка*. Т. VI. М., 2000, 389.
- 13 *Древнерусская грамматика XII–XIII вв*. М., 1995, 290.
- 14 *Новгородский областной словарь*. Вып. 7. Новгород, 1994, 136.
- 15 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 27. СПб., 1992, 8, 9. Ср. отношения форм субстантивированных прилагательных — севернорусских кратких (*матично́* и *ма́тично* «угощение плотников после подъема и укладки потолочной балки-матицы») к полной (*ма́тичное* «угощение плотников за установку сруба избы»). Сюда же — онежск. *месячно́* «месячная зарплата», костром., архангел. *мѣсячнó* «месячные» (*Словарь русских народных говоров*. Вып. 18. Л., 1982, 30–31, 133).
- 16 *Словарь пермских говоров*. Вып. 2. Пермь, 2002, 97–98.
- 17 *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Вып. 4. СПб., 1999, 500.
- 18 *Словарь русских народных говоров*. Вып. 26. Л., 1991, 304, 314. Вып. 27, 9.
- 19 Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. *Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук*. Т. XX, кн. 2, 1915, 18.
- 20 *ПСРЛ* 3: 258, 285. *ПСРЛ* 6 (1), 288. Срезневский И.И. *Материалы*. Т. III. М., 1958, 1157.
- 21 Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. М., 1994, 953, 955–956. Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. IV. *Глагол. Местоимение. Числительное*. Предлог. М.;Л., 1941, 275. Другие формы и значения см.: Страхов А.Б. Из мифологической (и близкой к ней) лексики: *удельница; кошуна, кошун; лотра; стух*. *Palaeoslavica XV* (2007). No. 2, 329–332.
- 22 Подробнее см. там же, 325–332.

Поговорка Изяслава Мстиславича

Киевский князь Изяслав Мстиславич — бесспорно один из наиболее ярких персонажей *Киевской летописи*, описывающей его деятельность в исключительных подробностях и с несомненным литературным даром. Благодаря этому об Изяславе Мстиславиче мы знаем намного больше, чем об остальных князьях XII в., в том числе кое-что о его нраве. Считается, что он был ироничен и скор на саркастические фразы.

Одну из них (предполагается, что говорил он их больше, чем записано) князь отчеканил, узнав о поражении своего сына Мстислава от галицкого Владимирка Володаревича. В 1151 г. Мстислав был послан отцом привести союзников венгров. Возвращаясь, он стал лагерем у Сапогиня, куда из Дорогобужа Владимир Андреевич выслал обильное угощение. Венгры перепились, бахвалились силой и повадились спать «пьяни јако мртви». Внезапно напал Владимирко и перебил спящих; Мстислав бежал в Луцк. Вот здесь Изяслав и выдал одну из своих острот:

тогда же Изяславу приде вѣсть къ Киеву ѡже снѣ его побѣжень а Оугре избити и ре^з слово то . аоже и пере^ж слышахомъ . не иде^т мѣсто къ головѣ . но голова к мѣсту¹.

Это место летописи привлекало не одного комментатора. При крайней скудости источника на осмысленные политические высказывания, во фразе всегда стремились распознать какой-то глубокий государственный смысл. Так, например, С.М. Соловьев писал:

Поговорка его [Изяслава — А.Т.]: «Не идет место к голове, а голова к месту», показывает его стремление, его положение и, по всем вероятностям, служила для него оправданием этих стремлений и происшедшей от них новизны положения его; поговорка эта оправдывает стремление дать личным достоинствам силу перед правом старшинства².

В том же духе высказывался и В.О. Ключевский:

...Отважный внук Мономаха Изяслав Мстиславич волынский во время усобиц с дядьями брал столы с бою, «головую добывал» их не по очереди старшинства и смотрел на них как на личное приобретение, военную добычу. Этот князь первый и высказал взгляд на порядок княжеского владения, шедший совершенно вразрез с установившимся преданием. Он сказал раз: «Не место идет к голове, а голова к месту», т.е. не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места. Таким образом, личное значение князя он поставил выше прав старшинства³.

Эти два почтенных мнения сформировали традицию трактовать фразу Изяслава едва ли не как афористически оформленную программу реформ княжес-

кого владения на Руси: предпочтения личных достоинств при занятии киевского стола праву родового старейшинства⁴.

Голова — частотное слово в близлежащих сообщениях *Inam*. об Изяславе Мстиславиче. Выражения типа *сложить голову* принадлежат, похоже, к излюбленным в арсенале летописца⁵. В нескольких случаях подобные фразы вложены в уста Изяславу (ср.: «любо голову сложю любо нальзу Галичьскую землю»; «то любо свою голову сложю . любо себе мышю»⁶), и также и его противнику Юрию Владимировичу («но любо голову свою сложю . пакы ли щчину свою нальзу»⁷). Но, вероятно, решающим для суждения о политическом смысле поговорки стала фраза Изяслава (сказанная в ответ на предложение примириться с Юрием) «добыл есмь головою своею Киева . и Переяслава»⁸. Изяслав (или летописец за него) хотел сказать, что добыл Киев с риском для жизни и готов рисковать снова. Исследователи вычитали в ней противопоставление права силы и таланта праву старейшинства Юрия.

Действительно, если кто-либо из князей XII в. и подходит на роль «реформатора», то Изяслав. Но обстоятельства, в которых была сказана его присказка, никак не поддерживают подобного предположения. Повод довольно банальный: Мстислав опростоволосился, и отец иронизирует над несоответствием его способностей порученному делу.

Фразу Изяслава чаще всего полагают поговоркой — его личного изобретения, или традиционной (она приведена, например, в этом качестве в *Словаре Даля*)⁹. В самом деле, летописец утверждает, что эту фразу «и переже слышахомъ». Не ясно только, что он имеет в виду: что современники и раньше слышали подобные издевательства от князя, или что он, летописец, уже вкладывал эту фразу в уста Изяславу. Поскольку ранее в летописи поговорка не приводится, вероятнее, что летописец говорил о привычной манере Изяслава. Но К. Бестужев-Рюмин, автор статьи «Летописи» в *Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона*, усмотрел в этом признак текстуального шва:

Таким же отдельным сказанием должен был быть рассказ о подвигах Изяслава Мстиславича; в одном месте этого рассказа мы читаем: «рече слово то, яко же и переже слышахом; не идет место к голове, но голова к месту». Отсюда можно заключить, что рассказ об этом князе заимствован из записок его соратника и перебит известиями из других источников; к счастью, шивка так неуклюжа, что части легко отделить.

Чем бы ни была фраза Изяслава, политическим манифестом или едким афоризмом, исследователи, как кажется, полагают, что ее сочинил сам князь. Между тем, можно указать на ее источник. Им оказывается высказывание, содержащееся в *Пчеле* и приписываемое там Иоанну Златоусту:

*Не мѣсто добродѣтели, но добродѣтель мѣсто можетъ оукрасити*¹⁰.

Таким образом, остроумие Изяслава — книжного происхождения. Князь, если он действительно любил повторять эту фразу, позаимствовал ее из какого-

то сборника изречений, лишь слегка переделав. Но это, в общем, даже хорошо: в нашей истории появляется еще один князь-книгочей.

- 1 ПСРЛ 2: 442.
- 2 Соловьев С.М. *Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. I. Т. 2. История России с древнейших времен.* М., 1998, 465.
- 3 Ключевский В.О. *Курс русской истории, часть I.* М., 1987, 196
- 4 См., напр.: «Некоторые князья прямо отрицают всякое наследственное право, предоставляя себе свободу добывать волости, им пригодные (поговорка знаменитого Изяслава Мстиславича: «Не голова к месту, а место к голове»)» (Градовский А. Д. *Начала русского государственного права.* Т. I. СПб., 1875, пар. 144); или совсем недавно: «Киевское княжение стало утрачивать значение «золотого стола», и летопись донесла до нас пословицу: «Не идешь место к голове, но голова к месту». Эта паремия приобретает истинно политическое звучание в устах энергичного и способного внука Владимира Мономаха Изяслава Мстиславича, поскольку регистрирует формирование абстрактного понятия высшей государственной должности, не совпадающей ни с личностью, ни с символом власти» (Фалалеева И.Н. *Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв.* Волгоград, 2003). Кажется, только А.Ю. Карпов решил, будто фраза Изяслава есть «давняя присказка русских князей» и относится на самом деле к Юрию Владимировичу Долгорукому (Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий.* М, 2006).
- 5 См., напр.: голову свою сложю; но любо голову свою сложю . пакы ли чѣину свою налѣзу; а нама са тобѣ нѣчимъ ѿкупити сему .толико главою своею; головы своѣ сложити; хочемъ головы своа сложити за та; хочемъ за ѿца твоеѣ чѣть . и за твою головы своа сложити; и головы своа съкладаемъ (ПСРЛ 2: 376, 380, 410; 420–421; 427; 437; 467; 480). См. также: держиши на свою головуу (ПСРЛ 2: 372).
- 6 ПСРЛ 2: 452, 462.
- 7 ПСРЛ 2: 410.
- 8 ПСРЛ 2: 380.
- 9 См., напр.: «На основании примеров пословиц, сохранившихся в летописи, мы заключаем, что Киевская Русь знала пословицы разнообразных видов — исторические: «погибоша аки Обри», «беда аки в Родне», «радимичи Волчья Хвоста бегают» и др.; военные: «мир стоит до рати, а рать до мира», «един камень много горньцев избиваетъ», «острый мечю, борзый коню — многа я Руси», «мертви бо сраму не имуть»; политические: «не идеть место к голове, но голова к месту», «не погнетши пчел, меду не едать» (Никифоров А. И. *Фольклор Киевского периода. История русской литературы: В 10 т. Т. I. Литература XI — начала XIII века.* М.; Л., 1941, 237–238); «Некоторые пословицы намекали на политические обстоятельства: “Не идеть место к голове, но голова к месту» (Робинсон А. Н. *Литература раннефеодального периода: [Литература Древней Руси]. История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 2. М.: Наука, 1984, 421).*
- 10 Семенов В. *Древняя русская Пчела по пергаменному списку.* СПб., 1893, 3.

Алексей Толочко

Десятинна церква — новини сезону 2010 року

Археологічні дослідження Десятинної церкви в Києві мали бути «остаточно» завершені 30 вересня 2010 р., згідно з розпорядженням Кабінету Міністрів України № 113 від 23.06.2010 р. Далі мали розпочатися роботи з музеєфікації решток унікальної пам'ятки. Проте, на середину вересня ще не було розпочато ані демонтаж та вивіз металево-бетонного брухту від заваленого укриття, ані фінансування археологічних досліджень й попередньої консервації кладок фундаментів пам'ятки. Визначений рубіж розкопчних робіт виявився нереальним.

Осмилення та введення до наукового обігу всього масиву здобутої інформації ще попереду. Тим часом, незважаючи на всі труднощі, польовий сезон 2010 р. поповнив майбутній музей новими унікальними знахідками. Продовжилися розкопки напольного (з боку вул. Володимирської) краю рову Старокиївського городища, який проходив вздовж північної галереї Десятинної церкви. Дослідження цієї ділянки у 2007–2009 рр. продемонстрували наявність у верхній частині заповнення рову цікавої стратиграфічної колонки шарів, пов'язаних з будівництвом, ремонтом та руйнуваннями церкви від кінця X до XVII ст. Особливу увагу привернув потужний шар ремонту середини XI ст. (горизонт В), що складався з унікальних будівельних матеріалів кінця X ст. (блоки кладки з плінфи та цем'яноквого розчину), включаючи елементи оздоблення храму — фрески, мозаїки, пірофілітові плити та карнизи тощо. Серед них знайдено вже відомі дві плінфи X ст. з прорізаним написом ЦН. Фресковий розпис був представлений переважно дрібними уламками фонового розпису (як і решта знахідок фрагментів фресок зі Старокиївської гори).

Однак 2009 р. біля північно-західного рогу храму X ст., в шарі горизонту В, виявлено рештки двох розбитих (вірогідно під час падіння) блоків кладки з фресковим розписом. Після гіпсування вони були взяті монолітом з розкопу. Одна з фресок являла собою фонний розпис червоного кольору. Другий блок являв собою кут цокольної частини пілястри або стовпа із фресковим розписом на двох площинах довжиною 0,42 м й сторонами 0,24 та 0,15 м завширшки. Лицьова площа пілястри мала переважно синій колір й, вірогідно, погрудне зображення. Простежено слабкі сліди супроводжуючого напису. Інша площа прикрашена рослинним орнаментом у вигляді стеблин з пелюстками, виконаним на білому тлі контурним малюнком чорною фарбою. Межа цокольної частини та грані пілястри оформлені червоною рамкою. На минулий рік це був найбільший відомий нам уламок фрески Десятинної церкви.

Проте у сезоні 2010 р. на тому самому місці виявлено ще більший блок кладки X ст. з фрескою та ще й карнизною плитою з овруцького рожевого пірофіліту. Він також постраждав від сильного удару об землю. Блок становив виступаючий кут стовпа або пілястри, був вдавнений своїм ребром у землю, і, як і попередні блоки, лежав фресковим шаром донизу. Залишати його на місці було неможливо. Необхідно було оперативним чином закріпити його й вийняти монолітом для переносу на базу експедиції. Проблема полягала в тому, що в Україні реставратори-монументалісти, які займалися пам'ятками давньоруської доби, ніколи не працювали з археологічними знахідками безпосередньо на розкопі. Адже вони реставрували настінну фреску в «живих» пам'ятках — Софійському соборі, Кирилівській церкві, Спасі на Берестові. Враховуючи унікальні розміри і надзвичайно поганий стан збереженості фрески, були організовані термінові наради та консультації. На допомогу прийшли фахівці, які працювали з давньоруською фрескою — Г.А. Марченко, А.М. Остапчук, Ю.О. Коренюк, Ю.М. Стріленко та інші, за що ми безмежно їм вдячні. Було прийняте рішення про поетапне закріплення фрески на місці за допомогою розчинів ПБМА з наступним гіпсуванням. Безпосередньо цю роботу взяла на себе художник-реставратор, науковий співробітник відділу реставрації творів

Рис. 1. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту та перегорнули

Рис. 2. Зображення на іншій грані блоку

художнього мистецтва Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника Ганна Анатоліївна Марченко. Особливу складність становило те, що жоден з учасників процесу не мав відповідного досвіду. А блок із фрескою мав складну конфігурацію, та й за площею, підкреслимо ще раз, багаторазово перевищував найбільші зразки, виявлені раніше в історії археології Києва. Попри всі за-

Рис. 3. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту

Рис. 4. Блок з фрескою, який вийняли з ґрунту. Художник-реставратор Ганна Марченко

Рис. 5. Блок з фресковим розписом

Рис. 6. Фрагменти різьбленої плити з овруцького пірофіліту (шиферу) з засипки рову

стереження, операція завершилася вдало, і фреска була взята з розкопу з мінімально можливими втратами. Розчистка й закріплення фрескового шару триває вже на базі експедиції.

Фрагмент складається з двох площин, з'єднаних під кутом 90 градусів, 0,75 м завдовжки та 0,34 м завширшки кожна. На одній з них — вертикальний декоративний фриз з чорно-білим рослинним орнаментом, на іншій — частина поліхромного квіткового медальйону. До однієї з цих площин підходив теж під прямим кутом ще один трохи менший фрагмент стінки з фресковим розписом. Проте з технологічних причин його довелося виймати окремо.

Важливість цих унікальних останніх знахідок фрескового розпису Десятинної церкви полягає в тому, що ці фрески (на відміну від всіх інших, знайдених на території Старокиївської гори, які можуть походити з різного часу та різних пам'яток) безперечно належать до розписів самого храму, причому на кладці саме X ст.

У 2010 р були отримані нові матеріали й про фрескові розписи Десятинної церкви наступних хронологічних періодів. У розкопі 9, закладеному на місці траси рову біля східного кута північної галереї, простежено ще один потужний шар ремонту, що включав фрески на жовто-гарячій штукатурці з фарбником по-

ганої збереженості. Фрески цього будівельного горизонту помітно відрізняються від фресок на крихкій білій штукатурці X ст. та фресок з яскравими фарбниками на міцному рожевому тиньку XII ст., що попередньо дозволяє датувати їх XI ст., а появу самого горизонту пов'язати з ремонтом XII ст.

Розпочато петрографічні та інші аналізи (Ю.М. Стріленко) тиньку виявлених фрескових розписів. Вже їхні попередні результати вказують на відмінність фрескових розчинів X ст. Десятинної церкви та основного масиву фрескового розпису Софійського собору. Це ще раз свідчить, що обидва храми розписували різні майстри.

Колекція оздоблення церкви з овруцького пірофіліту у 2010 р. поповнилася новими фрагментами декоративних різьблених плит, карнизною плитою, чотирикутною плитою підлоги зі скошеним краєм, а також унікальним фрагментом колонки (можливо, напівколонки) діаметром 21 см. Зібрано також нові деталі зі смальти та каменю від мозаїчної підлоги та мозаїки стін.

Використання будівельних решток у X–XII ст. для нівелювання заповнення рову свідчить про його досить значне вже на той час просідання. На жаль, у 20–30-х рр. XIX ст. територія навколо фундаментів Десятинної церкви була вкрита досить щільною, але безсистемною мережею пошукових траншей О.С. Аненкова. Як показали дослідження 2007–2010 рр., О.С. Аненков закладав траншеї 2 м завширшки з вертикальними стінками, що прокопувалися до материкового ґрунту чи глибше, а над трасою рову — до рівня суглинистої засипки X ст. Верхні шари землі з будівельними рештками при цьому пересіювалися у пошуках знахідок, про що свідчить характерне заповнення траншей. Розкопки дозволяють зняти з О.С. Аненкова підозру у виключному скарбощукацтві — він під час пересівання ретельно відбирав усе, а не лише вартісні чи цікаві речі: і кераміку, і фрагменти фрески, і плінфу з клеймами та відбитками тощо. Проте слід констатувати, що абсолютна більшість матеріалів, імовірно, була спочатку депаспортизована, а потім загинула разом з усім приватним зібранням О.С. Аненкова.

Під час археологічних досліджень садиби Десятинної церкви 1908–1914 рр. Д.В. Мілеєвим та С.П. Вельмінім ділянку траси рову прокопали вже до материкового ґрунту практично по всій довжині північної галереї від західного до східного кута. На цій ділянці могли залишитися лише декілька стратиграфічних бровок шириною до 0,5 м. Практично повністю розкопана й зона на північний схід від апсид, де залишилися недоторканими тільки декілька квадратів. Певний потенціал для виявлення некопаного ґрунту залишається за трасою рову на захід від церкви, де продовжується горизонт зі слідами ремонту XI ст. Щоправда, віддаленість цієї ділянки від стін споруди робить невисокою ймовірність виявлення тут нових великих блоків кладки з фресковим розписом чи з чимось іншим.

Тим унікальнішими видаються здобуті під час польових сезонів 2009–2010 рр. блоки автентичної кладки X ст. з фресковим розписом Десятинної церкви. Це найдавніші достовірно датовані фрески середньовічної доби на території Східної Європи.

Гліб Івакін, Віталій Козюба, Олексій Комар, Ганна Марченко